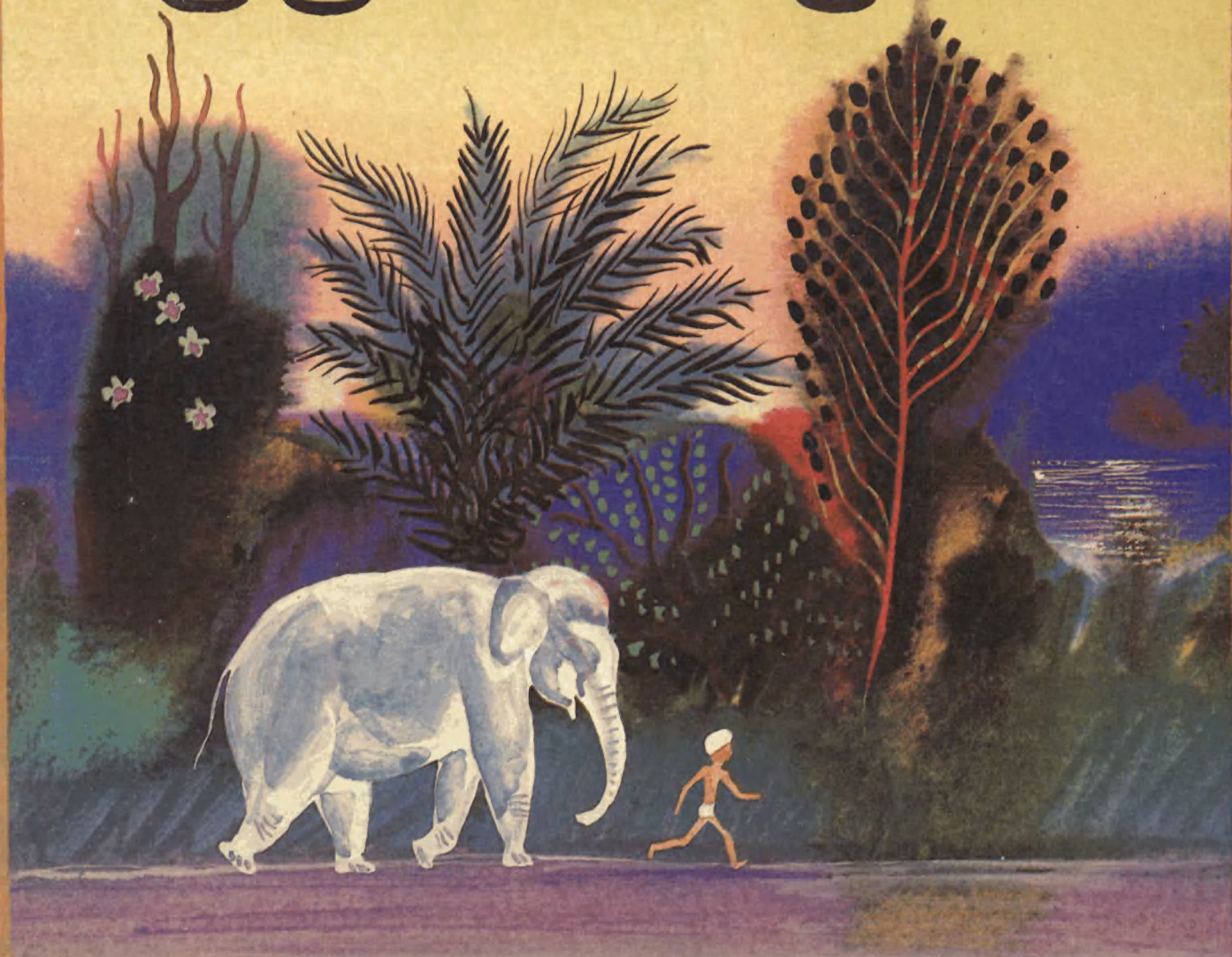

ШАНКАР

ШАНДУ

и другие рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

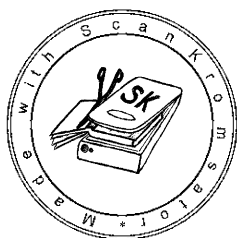
ШАНКАР

чангу

и другие рассказы

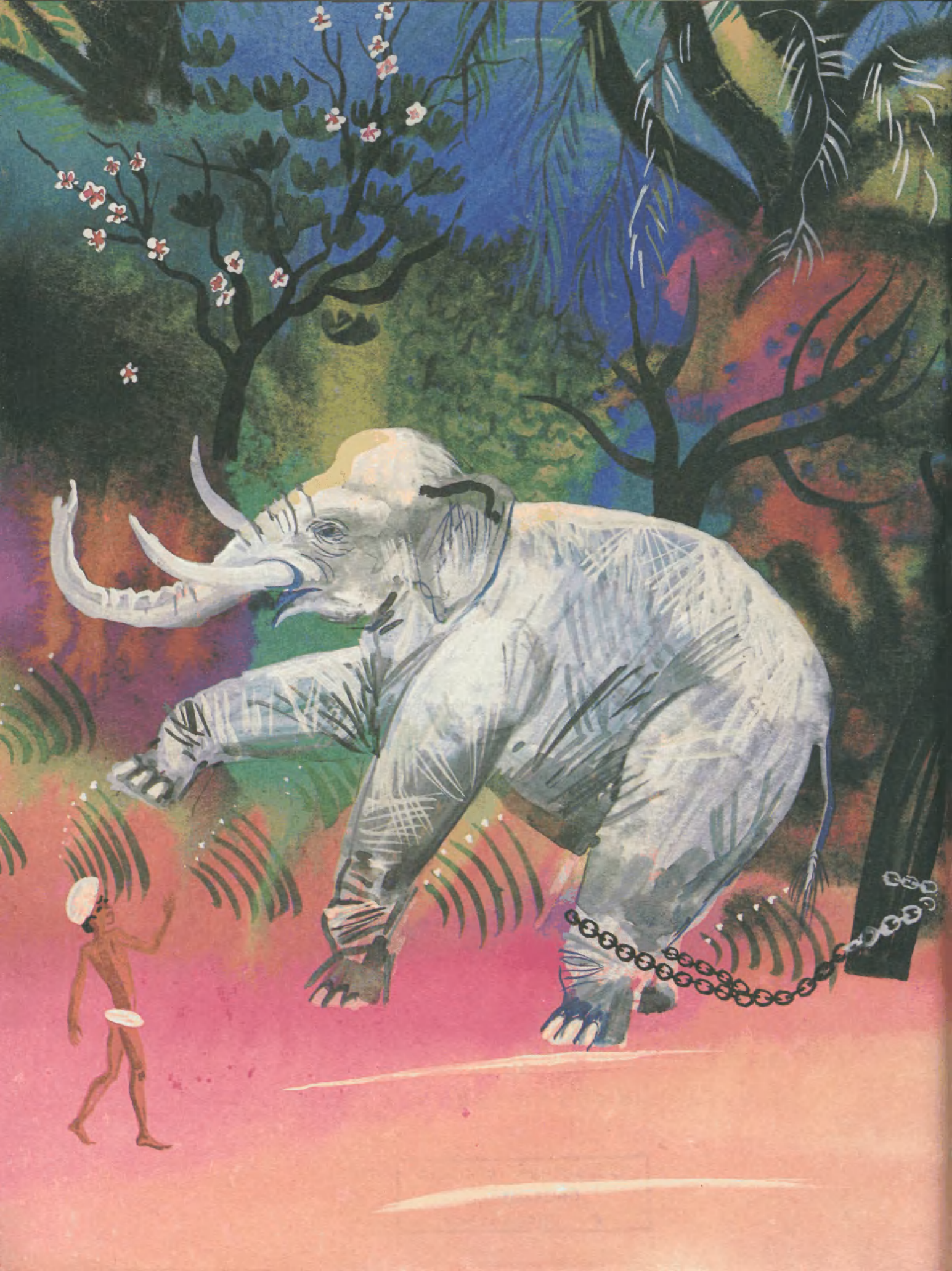
Пересказал с английского
С. САХАРНОВ

Рисунки
С. ОСТРОВА

Scan AAW

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1979

Хари был большой серый слон. Он принадлежал богатому хозяину. Много лет работал он в джунглях, а потом его привезли в город, так как хозяин решил зарабатывать на нём по-другому. Он стал отдавать слонов (а у него их было несколько) участвовать в разных праздниках. Украшенные разноцветными попонами, с пышными беседками на спинах, слоны важно шествовали во главе процессий. Играла музыка, тысячи людей приветствовали слонов, размахивая флажками и осыпая их цветами.

Невдалеке от самого большого храма, от которого обычно отправлялись по городу процессии, жил мальчик по имени Мохан. Надо сказать, что он всегда интересовался слонами. В школе он лучше всех писал сочинения о слонах, дома собирал рисунки и фотографии животных, а если встречал слона на улице, то мог целый час идти за ним по пятам.

Однажды Мохан возвращался из школы и увидел невдалеке от своего дома слона, прикованного цепью за ногу к большому тамариндовому дереву. Это был Хари — его только что привезли в город из джунглей.

Долго стоял Мохан, разглядывая огромное животное, а когда его позвала мать, поднял руку и помахал слону

на прощание. Хари не обратил на него никакого внимания, но, когда мальчик пришёл и на второй день и на третий, стал отличать его. Мохан не всегда приходил с пустыми руками: если ему удавалось утащить из дома банан или пакет с дынными корками, он бросал их слону, и Хари с удовольствием подбирал их длинным хоботом и отправлял в рот.

Вот почему очень скоро при встрече они стали обмениваться приветствиями. Мохан делал знаки рукой, а Хари размахивал из стороны в сторону хоботом и похлопывал себя огромными плоскими ушами по шее. Шлёп! Шлёп!

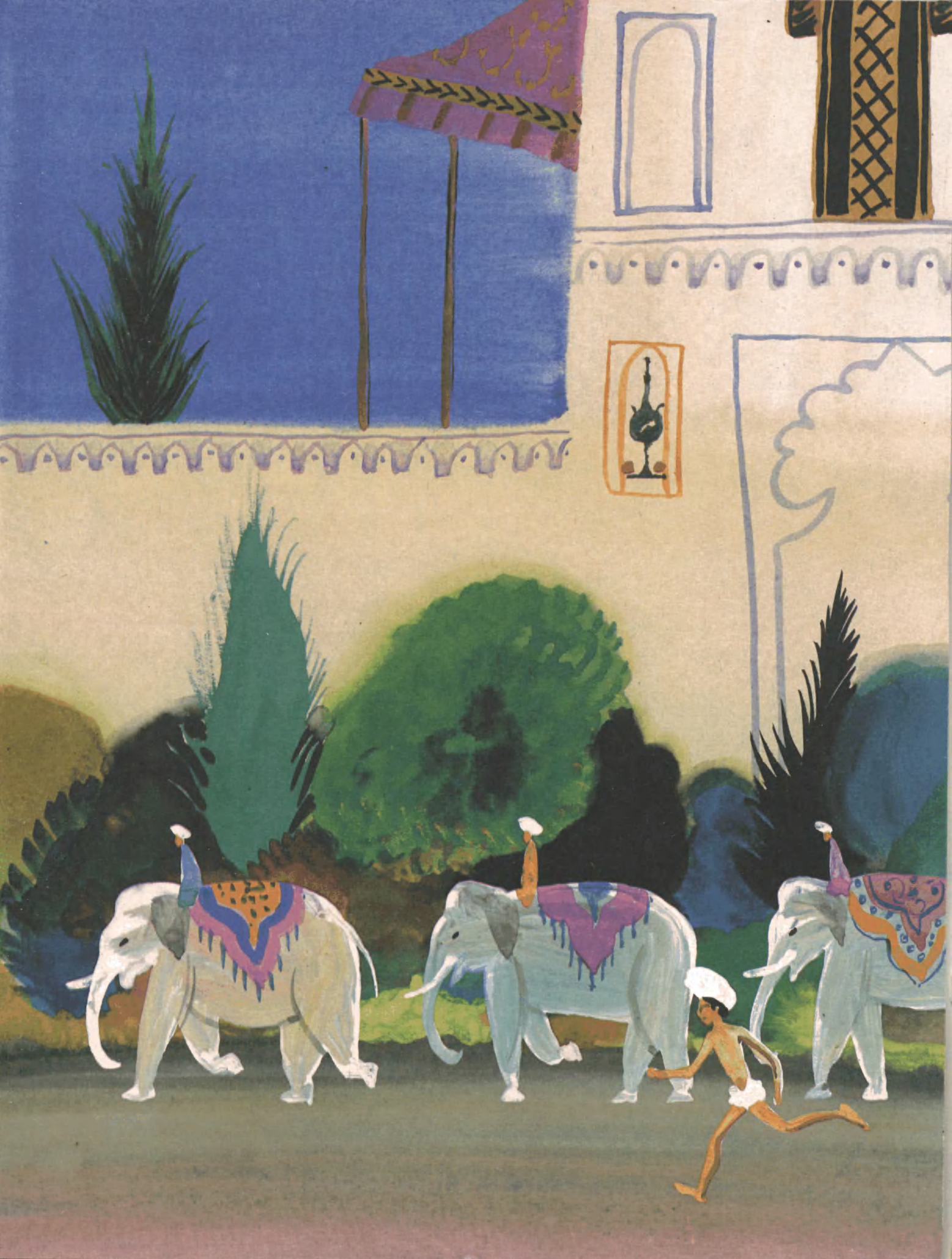
Мальчику казалось, что огромный слон говорит ему: «Хелло, Мохан, как поживаешь? Приходи ко мне и завтра».

Как я уже сказал, неподалёку от того места, где жили и Мохан и Хари, стоял великолепный храм. Праздники, которые проводились в городе, всегда начинались около него, самый главный праздник длился десять дней, и в нём участвовало немало слонов. Хари был самым большим из них, и поэтому он шёл всегда во главе процессии.

Так прошло несколько лет. Мохан подрос, но всё ещё ходил в школу, а Хари стоял днями привязанный к дереву или шествовал по улицам, спокойно наблюдая пёструю ликующую толпу. Причём он так хорошо изучил порядок празднований, что его махут — человек, который сидит на слоне и управляет его движениями, — никогда не вмешивался, он знал, что Хари остановится там, где нужно, повернёт, где это требуется, и станет на одно колено именно в тот момент, когда это необходимо.

Но вот в городе появился новый распорядитель праздников, и он начал с того, что решил поставить во главе праздничного шествия не Хари, а другого слона — Чату.

Трудно сказать, почему он так это решил, может быть, ему приглянулся Чату, а может быть, он подумал,

что Хари уже стар, но дело было сделано, слово сказано, и, когда праздник начался и слоны стали занимать свои места в процессии, Хари увидел, что его место уже занято.

Огромный серый слон задрожал от гнева. Уши его разошлись, и он стал размахивать ими взад и вперёд, как двумя боевыми знамёнами. Хари сделал несколько шагов взад-вперёд (а это всегда говорит о том, что слон сердится), поднял хобот и затрубил.

Но его махут был очень опытным человеком. Он сразу понял, что быть беде, ловко спрыгнул со спины слона на землю и соединил цепи, которыми были обмотаны передние ноги Хари. Теперь слон был беспомощен. Процессия с Чату во главе ушла. Хари, казалось, успокоился, и махут, подождав, отвёл его к дому и приковал снова к дереву.

Можете представить себе удивление Мохана, когда на следующий день, возвращаясь из школы, он подошёл к Хари, помахал ему рукой, сказал:

— Хелло, Хари!

И не получил никакого ответа. Он повторил привет ещё раз и ещё и, наконец, Хари пошевелил ушами и помахал хоботом, но сделал это так, словно находился в глубокой задумчивости. Мохан понял, что произошло что-то серьёзное.

На следующий день махут повёл Хари купаться. Они купались всегда в одном и том же месте, а так как место было очень удобным, туда же приводили и других слонов.

Не успел махут завести Хари в воду, а Хари едва только успел потрогать кончиком хобота воду, как вдруг на берегу показался Чату со своим махутом.

— Эй, не лучше ли тебе убраться?— крикнул махут, который привёл Хари.

— В чём дело?— ответил махут Чату.

Они не успели продолжить разговор: Хари поднял хобот, затрубил и тяжёлой рысью направился к Чату. Маленькие глазки его налились кровью. Махуты бросились врассыпную. Слоны сошлись.

Их столкновение было как столкновение двух гор. Раздался хрип и стук, в воздух полетели комья земли. Слоны упёрлись лбами и старались опрокинуть один другого.

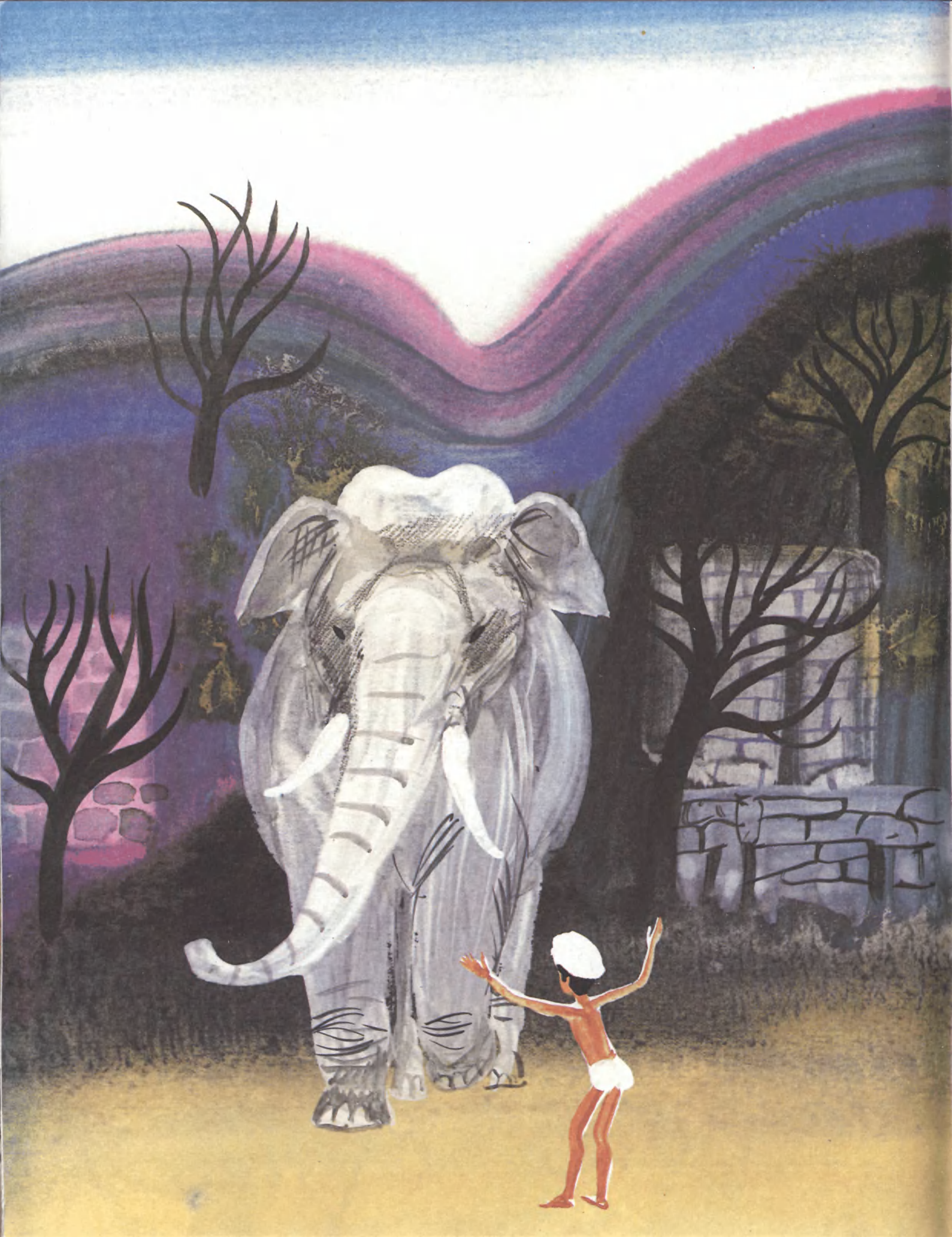
Хари был умнее и опытнее. Он сделал шаг назад, Чату подался вперёд и получил тяжёлый удар в бок. Молодой слон рухнул на колени.

Хари стоял над ним, победно трубя. Но Чату и сам понял, что проиграл, он медленно поднялся на ноги и побрёл прочь, покинув поле сражения.

Хари не преследовал его. Нет, новая мысль пришла ему в голову. Он решил отомстить людям, которые видели его позор, которые обидели его, уж он-то точно знал, что именно люди из храма расставляют слонов по местам в праздничной процессии.

В храме было много людей, и когда слух о том, что к ним приближается бешеный слон, достиг его, люди бросились вон. В дверях получилась давка. А Хари уже стоял перед главными воротами. Их успели запереть на засов. Одним ударом Хари вышиб деревянные половинки. Затем он направился к маленькому зданию, в котором всегда отдыхали служители храма, и съёс с него крышу. При этом он ранил доской хобот (а слоны всегда очень берегут его и даже во время боя сворачивают и прячут). Это совсем привело его в бешенство. Он выбежал из храма и трусцой пустился по улице. Он опрокидывал лотки, брошенные торговцами, и сбивал навесы, которые не успели опустить хозяева магазинов. На индийской улице всегда много мелких лавочек и магазинов, и узкая улица после того, как по ней прошёл слон, напоминала о землетрясении.

Махут не отставал от Хари. Он был смелым человеком, то и дело забегал вперёд Хари и уговаривал того остановиться. Но Хари, казалось, не слышал человека.

В городе началась паника. Слух о том, что по улицам бродит взбесившийся слон, распространился с быстротой молнии. Люди бежали из домов или забирались на самые верхние этажи. Они с ужасом уверяли друг друга, что слон убивает людей без разбора. В школе учитель прервал урок, сказал, что взбесился главный храмовый слон, и велел всем немедленно бежать домой.

Мохан сразу понял, что речь идёт о Хари. Кого ещё в городе можно назвать главным храмовым слоном? Но он не поверил тому, что болтали ученики об убитых людях, и, вместо того чтобы идти домой, бросился к центру города.

Хари был там. Он шёл по улице прямо на мальчика — маленькая человеческая фигурка и огромная серая глыба. Мохан прижался спиной к стене дома, поднял дрожащую руку и помахал ею.

Хари увидел мальчика. Он увидел, как колышется в воздухе детская рука, и замедлил шаг.

— Хелло, Хари! — сказал Мохан, стараясь, чтобы его голос не очень дрожал. — Как дела?

Дела были неважные, но звуки знакомого голоса неожиданно успокоили Хари. Он остановился, поднял хобот и едва слышно похлопал ушами. Шлёп! Шлёп!

— Всё в порядке, не правда ли, Хари?

Подбежал махут. Он очень испугался, когда увидел, что слон и мальчик стоят совсем близко друг к другу и о чём-то, казалось, беседуют. Это правда и была беседа, самая настоящая, потому что Мохан и Хари успели уже сказать друг другу очень многое.

Видя, что слон уже успокоился, махут подошёл к Хари, тоже поговорил с ним, а потом забрался на спину и приказал идти домой. Хари пошёл. Они так шли через

весь город: огромный серый слон, на его спине махут, а впереди и чуть сбоку маленький мальчик со школьной сумкой в руке.

Люди часто несправедливы к слонам. Но на этот раз и хозяин и распорядитель праздников поняли, что не следует ни наказывать Хари, ни удалять его из города. Слону снова разрешили возглавлять процессии, и это случилось уже на следующий день (ведь праздник, как я говорил, длится десять дней!). Во главе длинной вереницы слонов, среди которых был и Чату, шёл Хари с ярко украшенной цветами беседкой на спине, а в толпе, около школы, стоял Мохан и, когда слон поравнялся с ним, незаметно помахал ему рукой.

— Не правда ли, всё в порядке, Хари?

Малати и Жокосовый орех

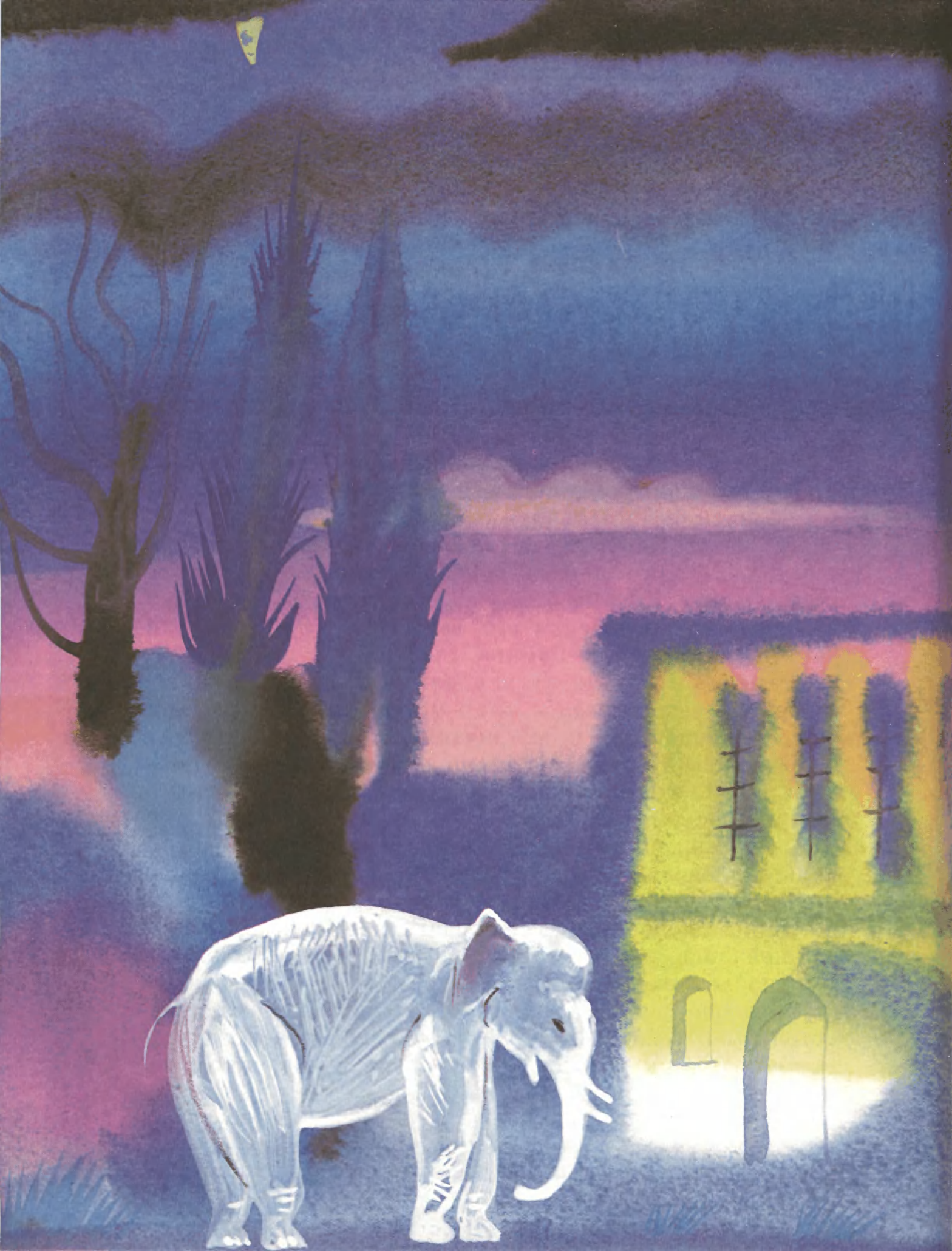
Малати была слонихой, а так как у животных тоже бывает хороший характер и они тоже бывают красивыми, Малати была отличной слонихой.

Её махут Каруна работал с ней уже много лет. Он заботился о ней и никогда не обижал ни словом, ни жестом. Однако Каруна был уже стар и, когда почувствовал, что силы оставляют его, взял себе в помощь молодого парня по имени Рамана.

Рамана был неплохим парнем, но на него иногда, как говорится, «накатывало», и он мог выкинуть какую-нибудь неожиданную и неприятную для других шутку.

Однажды Каруна и Рамана повели Малати купаться. Слониха долго плескалась в реке, ложилась на бок, набирала полный хобот воды, поливала себе спину, тёрлась о камни на речном дне и получила, одним словом, полное удовольствие. Каруна и Рамана тоже побывали в воде, и теперь все трое возвращались домой. Они шли по улице. Около лавки, где продавались фрукты, махуты остановились, и Рамана купил три кокосовых ореха. Каруна решил отнести свой орех домой. А Малати наступила на свой, раздавила и съела. Рамана сперва хотел было тоже нести орех домой, а потом раздумал.

Они отошли уже далеко от лавки, где можно было

попросить нож, и Рамана, желая расколоть орех, а вернее, дурачась самым неумным образом, стукнул изо всех сил орехом Малати по лбу.

Ошеломлённая слониха подняла хобот и издала короткий жалобный крик.

— Что ты делаешь? — воскликнул Каруна. — В своём ли ты уме? Ты можешь поранить Малати.

— Ничего ей не будет, — легкомысленно отозвался Рамана.

Ночь прошла спокойно, но спали только одни люди. Малати стояла привязанная за ногу к столбу во дворе дома, где жил Каруна, и размышляла. Она никак не могла понять, что значит этот странный удар? Наконец, она решила, что это что-то новое, чему её хотят научить, и что, очень может быть, людям такие шутки нравятся.

Конечно, всё, что тут было сказано, не более чем домыслы, ибо кто может проникнуть в мысли слона?

Так или иначе, когда на следующий день Малати, Каруна и Рамана снова проходили мимо лавки, Малати протянула хобот, взяла орех и легонько стукнула им Раману по голове.

Кокосовый орех сам бывает весом и размером с человеческую голову, и если слон ударит вас такой бомбой, ничего хорошего получиться не может. Рамана упал, обливаясь кровью, а Каруна закричал на Малати. Старый махут отогнал слониху, и они вместе с хозяином лавочки (который знал Малати как кроткое умное животное и не мог понять, как это всё случилось) внесли Раману в дом, положили на ковёр и вызвали врачей.

Раману увезли в госпиталь. Но когда автомобиль, на котором везли юношу, остановился около здания больницы, все увидели, что сюда же пришла и Малати. Раману унесли в палату, а Малати стала около ворот и, хотя Каруна пытался увести её, осталась стоять так до вечера.

Прошла ночь. Врачи, которые утром пришли на работу, увидели около ворот больницы большого слона без бивней (у индийских слоних бивней не бывает) и очень испугались, а некоторые сёстры, опасаясь войти в здание, чтобы миновать слона, лезли через окна.

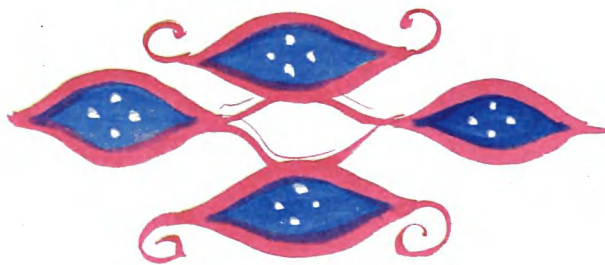
Каруна, который и ночью не оставил слониху, сходил домой и принёс Малати немного еды. Он не кричал и не бил слониху, он понимал, что Малати беспокоится за Раману и хочет знать, что с ним.

Так прошло несколько дней. Однажды во дворе госпиталя показалась коляска на велосипедных шинах. В ней сидел человек, голова его была забинтована. Это был Рамана. Он подкатил к воротам, и Малати с большим удивлением узнала молодого махута.

— Всё в порядке, Малати! У меня всё ол-райт! — сказал Рамана, и Малати, подняв кверху хобот, издала торжествующий вопль.

Трудно сказать, что больше успокоило её — слова, сказанные дружелюбным тоном, или вид живого Раманы, но в этот день Малати позволила Каруне увести себя.

Те, кто рассказывали мне эту историю, уверяют, что всё время, пока Рамана лежал в госпитале, Малати приходила навещать его, а когда врачи разрешили Рамане покинуть больницу, он шёл домой в сопровождении Каруны и Малати. И ещё говорят, что после этого случая Рамана очень переменился и никогда не позволяет себе глупых шуток ни со слоном, ни с людьми.

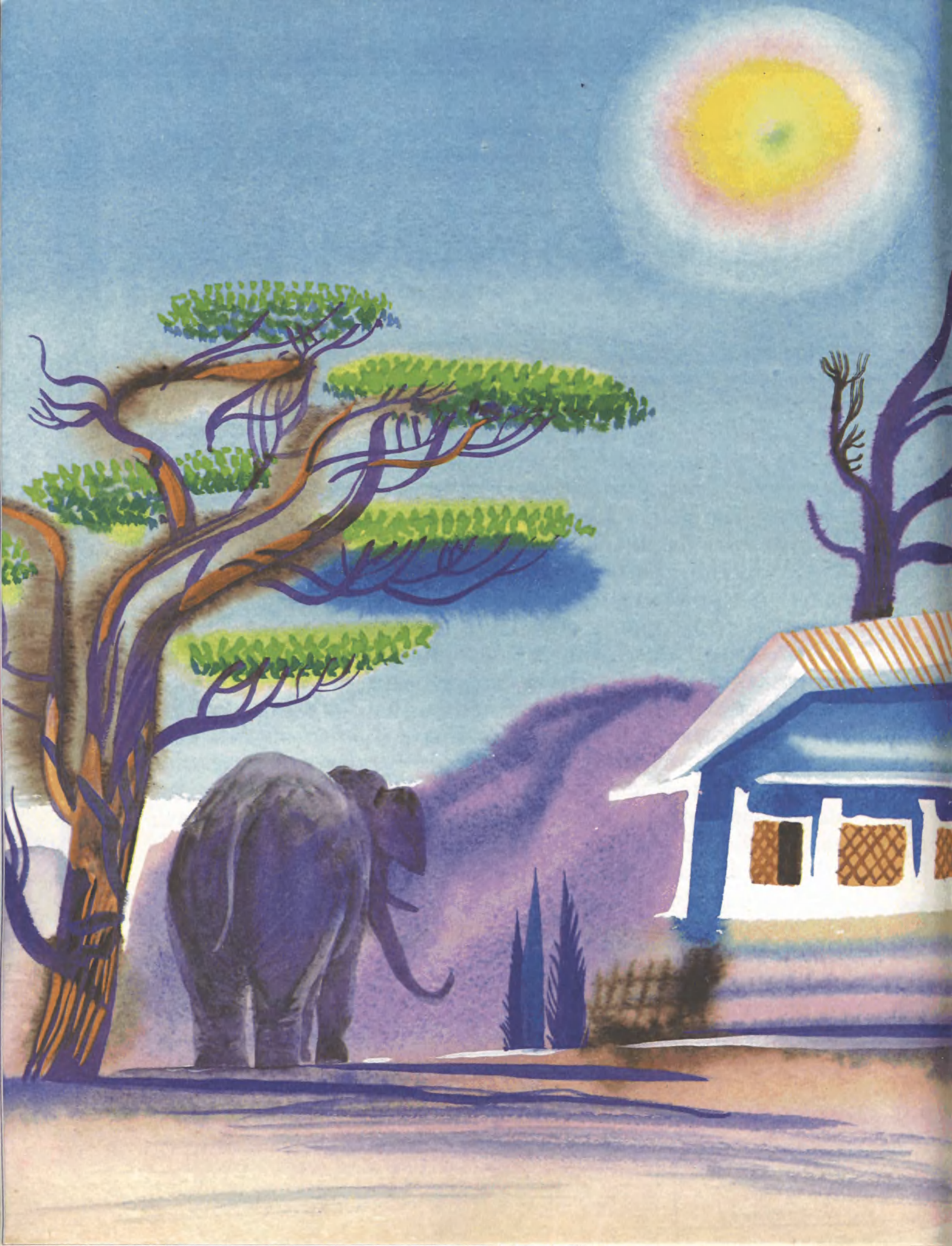

Чанду был молодым слоном. Он не принадлежал к числу тех слонов, которых поймали в джунглях и приручили. Нет, Чанду родился и вырос среди людей.

Его мать была храмовой слонихой. В Индии при каждом большом храме обязательно есть свой слон, он участвует в храмовых праздниках и, украшенный цветами, ходит впереди процессий. Чанду родился в деревне, и его друзьями с самого детства были деревенские дети. Они бегали за ним по полю, делились бананами и дынями, вместе купались в маленьком бассейне при храме. Мальчишки и девчонки цвета кофейных зёрен с визгом влетали в воду, ныряли, а слонёнок опускал в воду хобот, пускал пузыри и шарил там, пока не зацеплял кого-нибудь за руку или за ногу. Тогда с таким же визгом мальчишки и девчонки выскакивали из бассейна, а потом они вместе с Чанду грелись на песке. Они лежали, раскинув руки и ноги, а Чанду стоял рядом и помахивал хоботом, отгоняя назойливых насекомых.

Шло время, и Чанду подрос. Люди в деревне увидели, что он уже становится взрослым слоном, и поняли, что настало время заняться его обучением. Они пригласили хорошего наставника, и тот прошёл с Чанду полный курс наук. Чанду научился выполнять команды —

идти направо и налево, вперёд-назад. Научился садиться, стоять неподвижно, приветствовать поднятием хобота, преклонять колени и вообще узнал всё, что необходимо рабочему и храмовому слону.

Теперь у него был свой махут по имени Чику. С ним Чанду переносил тяжести, помогал на строительстве домов и ходил в храмовых процессиях.

Однажды Чику и Чанду пригласили принять участие в празднике в отдалённой деревне. Это было действительно очень далеко, стояла жара, ещё не начался сезон дождей, и на полях всё было выжжено солнцем. На обратном пути Чику почувствовал, что он очень проголодался. Он заметил харчевню на дороге, отвёл Чанду в сторону, поставил под большое тенистое манговое дерево и поспешил в лавку. Чтобы Чанду не двигался, он прислонил к его ноге свою трость. Каждый обученный слон знает: если у твоей ноги стоит трость махута, ты обязан стоять неподвижно, чтобы эта трость ни в коем случае не упала на землю.

Чанду стоял под манговым деревом, а в это время в харчевню вошли приятели Чику.

— Вот ты где, старина! — завопили они. — Посидим-ка да поболтаем. Ну, как твои делишки?

Завязался разговор, на столе появилось пиво. Чанду слышал возбуждённые голоса, различал среди них голос своего махута и очень удивлялся, почему тот так долго не идёт. Мало-помалу слон стал понимать, что погонщик забыл про него и не торопится вернуться. А может быть, он вообще не вернётся?

Чанду был молодой слон, и поэтому он сделал такую вещь, какую ни за что не совершил бы старый. Он отбросил толчком ноги трость и отправился дальше по дороге один.

Слоны прекрасно запоминают местность, по которой прошли, и Чанду уверенно шёл домой.

Но в первой же деревне произошло несчастье. Как только люди увидели идущего по дороге слона (дрессированные слоны даже в Индии не ходят по дорогам без погонщиков), они решили, что перед ними взбесившееся и убежавшее от хозяина животное. Кто-то, думая, что защищается, бросил в Чанду палку. Кто-то — камень. Чанду повернул и пустился бежать.

В толпе всегда найдётся несколько хулиганов или людей, стремящихся причинить боль живому существу. За Чанду бросились в погоню. Несколько острых камней больно ударили слона, один камень попал в хобот. Чанду затрубил от боли, и место удивления в его сердце занял страх.

Он никогда не обижал людей, он любил их и никак не мог понять, почему люди теперь стремятся причинить ему зло? Он попробовал остановиться и, подняв вверх прямой, как палка, хобот, показал, как учили его: «Я сдаюсь и прошу прощения!» Но никто не понял, новый град камней обрушился на Чанду.

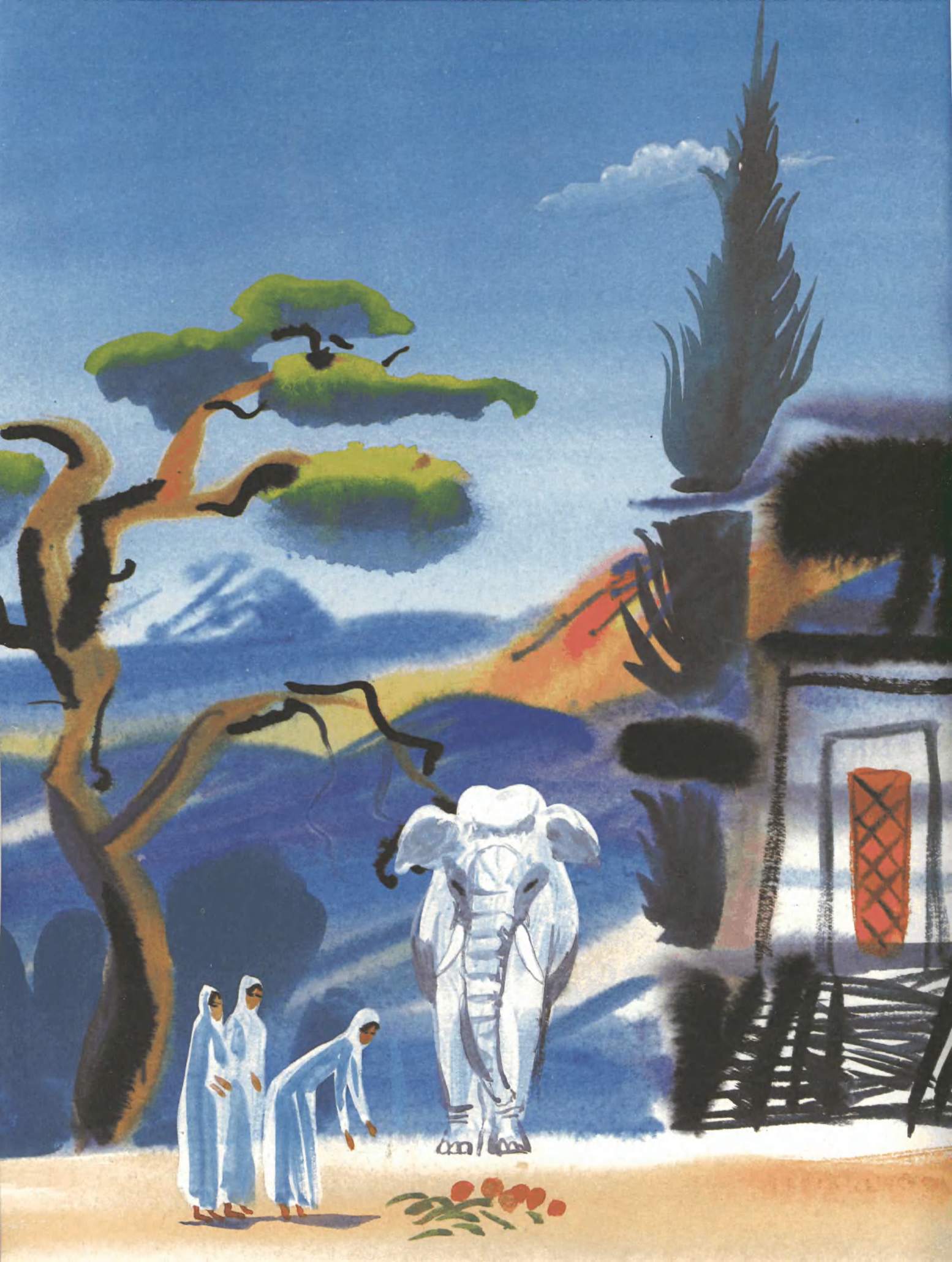
Любой другой на его месте рассвирепел и, кинувшись на людей, обратил бы их в бегство. Каждый слон, выросший в джунглях, поступил бы так. Но Чанду был совсем домашним, ручным слоном. Мысль напасть на людей даже не пришла ему в голову. Нет, в голову ему пришла совсем другая, но тоже удивительная мысль.

Пробегая мимо одного домика, Чанду увидел двух детей. Мальчик постарше играл, сидя на подстилке, в палочки, а его сестрёнка утомилась и спала, положив под голову руки.

Видя, что к нему приближается слон, мальчик вскочил и, не помня себя от страха, кинулся внутрь дома. Но Чанду теперь знал, что делать. Он подошёл к подстилке и встал рядом с девочкой.

Он стоял, вытянув над ней хобот, и смотрел на приближающихся людей.

Люди остановились. Они ждали, что слон сейчас раздавит ногой девочку или подбросит и поймает на бивни. Они боялись теперь швырять в него камни. Они стояли и ждали — что будет?

На дороге показался бегущий человек. Это был Чику. Он едва дышал от усталости и испуга. Встречные рассказывали ему истории о взбесившемся слоне — одну страшнее другой.

Но, подбежав, он увидел, что ничего страшного ещё не произошло, если не считать ссадин от камней на спине и на лбу Чанду.

— Как вам не стыдно, — закричал он собравшимся, — зачем вы бьёте слона? Чанду, идём домой, Чанду!

Он обнял хобот слона и гладил его и шептал в ухо слова, чтобы успокоить Чанду и заставить его продолжить путь, но слон будто не слышал. «Что я сделал людям? За что они поступили со мной так жестоко?» — думал Чанду.

Он не тронулся с места, пока не стемнело. А потом медленно, словно во сне, побрёл по дороге, и они только к следующему вечеру достигли своей деревни.

Там Чику приковал слона, как обычно, за ногу к дереву, принёс ему воды и свежих пальмовых ветвей и отправился спать.

Когда утром он вернулся, вода и ветки были не тронуты.

Чику чувствовал свою вину. Он дважды водил Чанду в тот день на реку, но на этот раз все его приказания слон выполнял машинально. В воду не шёл и, казалось, всё время старался понять, как могло случиться то, что было вчера?

Прослышав про болезнь слона, к дереву собралась вся деревня.

Мужчины и женщины принесли бананы и кокосовые орехи, которые так любил Чанду. Но слон не обратил

на них внимания. Да и самих людей он, казалось, не замечал.

Понемногу взрослые разошлись. Около слона остались одни дети и Чику.

Дети уселись в кружок вокруг Чанду и запели печальную, протяжную песню. Они пели о том, что заболел их любимый слон и что теперь некому будет играть с ребятами.

Чанду всегда любил песни. Он шевельнул ушами и покосил глазом на детей. Потом он протянул хобот и осторожно взял один кокосовый орех. Он положил его под себя, наступил ногой, орех крикнул, показался молочный сок. Чанду подцепил орех и положил себе в рот.

Это заметил Чику. Он тихонько подошёл и снял с ноги слона цепь.

Было уже поздно, смеркалось, но Чанду направился к храму и осторожно спустился по ступенькам бассейна в воду.

А через минуту над почерневшим от времени храмом, над причудливыми фигурами богов и животных, которыми покрыты его стены, раздавались детский визг и щёлканье пузырей. Это Чанду опять опускал хобот в воду и шарил там. Вот она — ещё одна чья-то пятка!

Сати Бабу

Один крестьянин, по имени Деварай, покинул деревню и поселился в лесу. Он выкорчевал на своём участке деревья, сжёг траву и стал сеять пшеницу и сажать кукурузу. Урожай в первое же лето выдался хороший, и Деварай смог, продав его, построить на участке домик и перевезти в него из деревни семью — жену Камалу и сына Бабу.

Бабу было двенадцать лет. Он уже четыре года ходил в школу, но какая школа теперь в лесу? Ни занятий, ни друзей. Бабу чувствовал себя таким одиноким. Он упросил отца купить флейту и пристрастился играть на ней. Заберётся, бывало, куда-нибудь в лес подальше, сядет под тенистым деревом и наигрывает и напевает себе. В такие часы Бабу чувствовал себя лучше, ему казалось, что вместе с музыкой к нему приходят люди, и подыгрывают, и подпевают ему, и даже немного танцуют.

Зато Камала, его мать, не чувствовала никакой разницы. Что оттого, что они стали жить в лесу? Не всё ли равно, где носить воду, стирать, готовить обед и ужин?

Однажды она пошла за водой к отдалённому роднику. В нём была очень чистая вода, и Камала раз в два дня обязательно ходила туда. Было лето, очень жарко и сухо. Все ручьи и озёра в лесу пересохли, некоторые

деревья даже потеряли листву и стояли голые и угрюмые. Камала уже почти наполнила свой медный кувшин, когда увидела, что к ней медленно приближается дикий слон. Это была слониха (у неё не было бивней), и она шла, с трудом переставляя ноги. Камала закричала от страха, слониха остановилась, потом снова двинулась вперёд. Тогда Камала, бросив кувшин, побежала. Лишь добежав до большого дерева, стоявшего на опушке леса, она оглянулась.

Слониха стояла около источника, но струя, которая была из-под земли, была очень слабой. Тогда слониха заметила кувшин и дотронулась до него хоботом. Хобот скользнул внутрь сосуда. Слониха втянула в него всю воду, а затем выпустила её, подвернув хобот, себе в рот.

Так вот оно что: слониха страдала от жажды!

Она напилась из кувшина, а затем, не обращая внимания на женщину, повернулась и так же медленно, словно нехотя, скрылась в чаще.

Камала вернулась к источнику, наполнила снова свой кувшин, поставила его себе на голову (индийские женщины в деревнях всегда носят воду так) и пошла к дому, раздумывая над случившимся.

«Должно быть, она больная!» — решила Камала.

Дома она рассказала о встрече мужу и сыну, и Бабу тотчас собрался бежать к источнику, чтобы увидеть большого слона.

— Дикие слоны опасны! Сиди дома, — сказал отец.

Однако на следующее утро, когда отец с матерью ещё спали, Бабу потихоньку выбрался из хижины и отправился в лес. Вернулся он бегом, возбуждённый.

— Идёмте за мной, — закричал он, — там около источника спит слон! Лежит на земле и спит.

— Лежит? — удивился отец. — Слоны редко спят лёжа. И потом, они не спят так поздно. Ты что-то путаешь!

Они отправились втроём в лес к источнику и увидели,

что Бабу говорил правду. Около крошечной лужи лежала слониха. Но она была мертва. Зато бок о бок с ней лежало на земле ещё одно маленькое существо — новорождённый слонёнок. Он подавал лишь слабые признаки жизни.

— Вот беда! — сказала Камала. — Эта слониха приходила ко мне вчера. А потом она вернулась, чтобы родить слонёнка и умереть. Должно быть, она хотела, чтобы он не остался первые дни без воды...

— Не правда ли, мы не бросим его, отец? — сказал Бабу. — Давай возьмём его домой. Я обещаю ухаживать за ним.

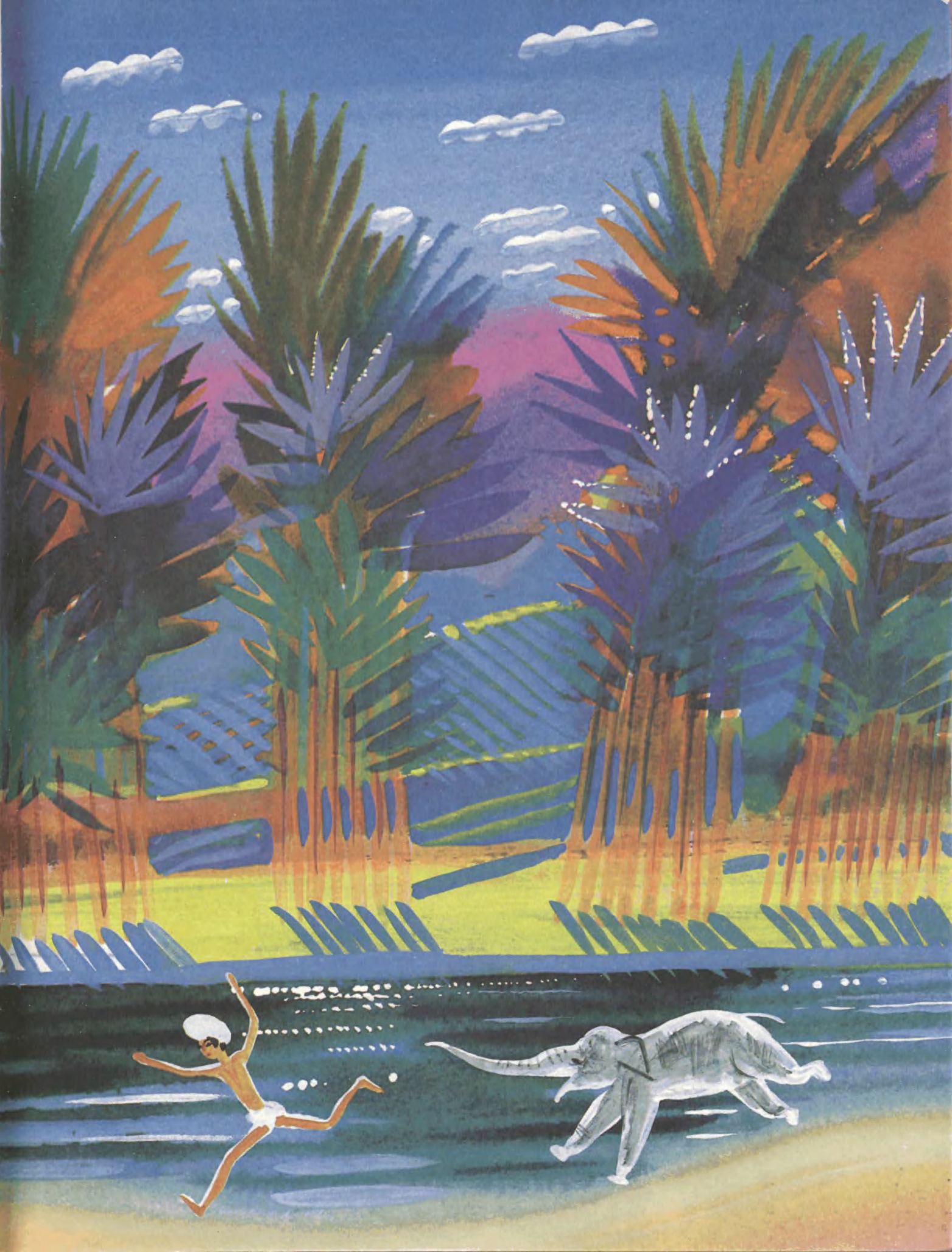
— Пусть будет так, — сказал Деварай. — Возьмём его.

Так маленький слонёнок стал жить у них в доме. Первое время ему приносили молоко из деревни, а потом слонёнок научился щипать молодую сочную траву, а главное (слоны траву едят редко), срывать с деревьев молодые зелёные побеги.

Слонёнок стал быстро расти (он оказался слонихой), и Бабу назвал его Сати. Сати привязалась к мальчику. Она бегала за ним, как собачонка. Когда наступал сезон дождей и реки наполнялись водой, они вместе ходили на берег и купались, к великой зависти деревенских мальчишек: ведь никто из них не мог похвастать тем, что у него есть свой домашний слон!

Но Бабу не забыл и свою флейту. Он по-прежнему часто уходил в лес (Сати следовала за ним), садился там под дерево и наигрывал свои бесхитростные мелодии. Слониха стояла рядом и, медленно пошевеливая ушами, слушала, а когда Бабу начинал, подыгрывая себе, кружиться и танцевать, Сати с удивлением покачивала головой, наблюдая, что это выделяет её хозяин?

Однако можете представить себе, как поразился Бабу, когда однажды Сати, слушая его игру, вдруг начала перебирать ногами!

Мальчик вскочил и, продолжая играть, заставил Сати сделать круг по поляне.

Так слониха научилась танцевать. Бабу показал ей, как надо по незаметному его жесту поднимать ногу, как менять направление движения и как раскланиваться. Слоны очень умные и старательные ученики, поэтому нет ничего удивительного в том, что на второй год жизни Сати уже поражала своим умением случайных зрителей.

Прошёл ещё год, и она превратилась в красивую молодую слониху. Она очень выросла, и ей нужно было теперь много еды и много внимания.

А дела у Деварая шли неважно — урожай год за годом становился всё хуже, лесная земля быстро истощалась, и он понял, что единственный способ поправить дела для него теперь — это продать слониху.

Когда Бабу услышал о решении отца, он был потрясён.

— Ты не сделаешь этого, отец! — сказал он. — А если сделаешь, я уйду вместе с нею.

— Ты уже вырос, но по-прежнему остался глупым, — хмуро ответил отец. — Что нам есть? И потом, может быть, я хочу на вырученные деньги отправить тебя учиться в город?

Бабу не хотел ничего слушать. Теперь он целыми днями размышлял, что сделать, чтобы не разлучаться с Сати. Однако он ничего не мог придумать. Тогда он отвёл Сати в глубину леса и оставил её там. Из этого, конечно, ничего не вышло: не успел он вернуться домой, как на тропинке, из глубины джунглей, показалась весёлая слониха. Она решила, что это такая игра вроде прятков.

Тогда Бабу вспомнил, что слонов держат в зоопарках. Он знал, что если отец продаст Сати хозяину, тот заставит её работать (а слоны обычно работают на

лесопилках или там, где валят деревья) и ему больше не разрешат навещать её. Тогда он сказал отцу:

— Раз уж ты решил обязательно продать Сати, давай продадим её в зоопарк. По крайней мере, я смогу навещать её.

— Попробуй, — сказал отец, которому надоели жалобы сына.

На следующий день Бабу и Сати отправились в путь. Они вышли из леса на дорогу и по обочине её, пропуская повозки и автомобили, побрели по направлению к городу.

Они шли долго и только на второй день достигли его предместий. Именно тут и был расположен зоопарк. Бабу привязал Сати к дереву, а сам отправился искать хозяина. Каково же было удивление мальчика, когда он увидел, что в зоопарке уже есть большой чёрный слон.

«Ничего, они как-нибудь помирятся!» — решил он. Но хозяин зоопарка (он с интересом выслушал историю, которую рассказал ему Бабу) сказал:

— Очень сожалею, мальчик, но ничем не смогу тебе помочь. У меня, ты уже видел, есть один слон, и он обходится мне дороже, чем половина всех остальных зверей. Как ты думаешь, сколько рупий я трачу в день, чтобы прокормить этого великана?

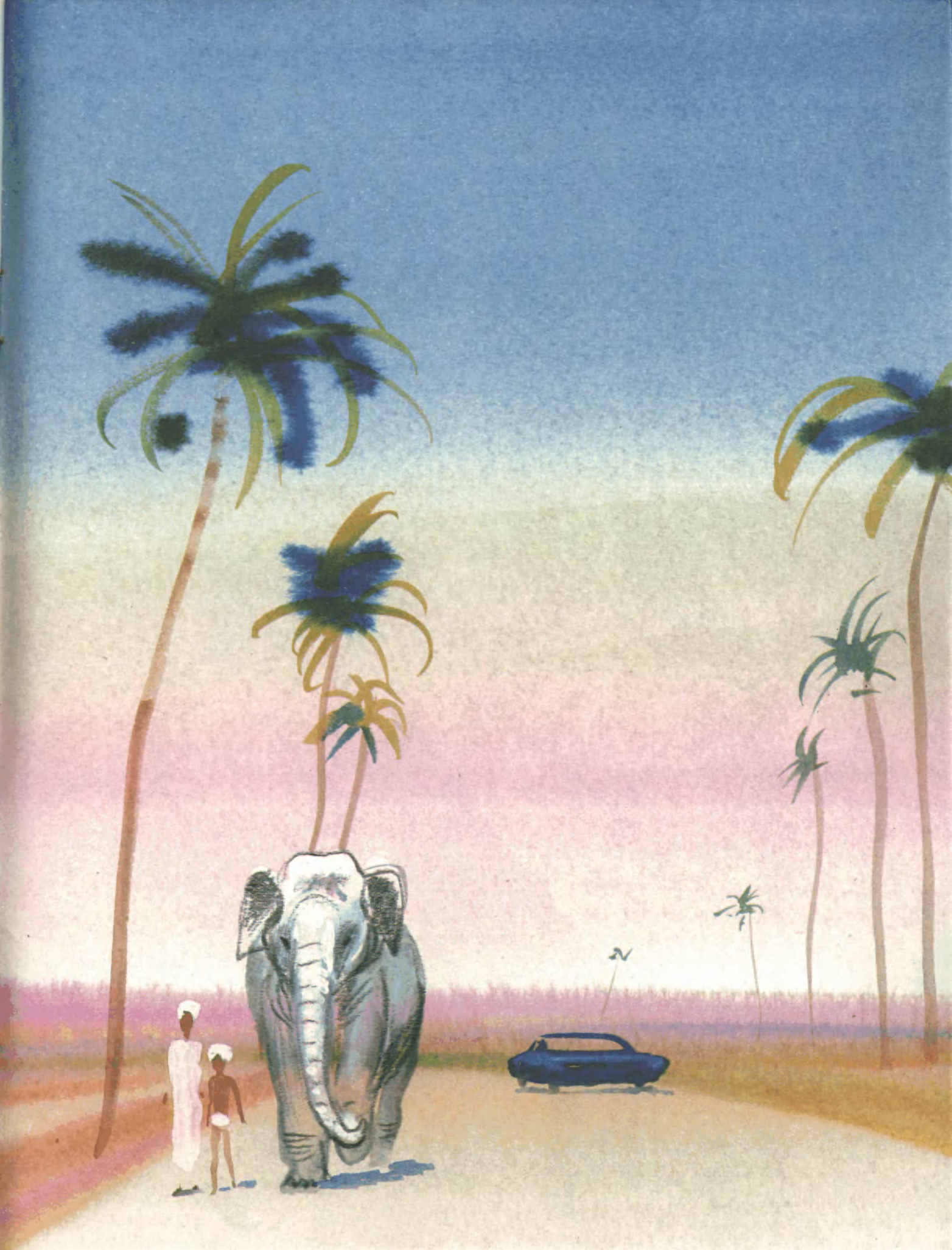
Бабу не знал, в сколько рупий обходится слон, но понял — Сати не купят.

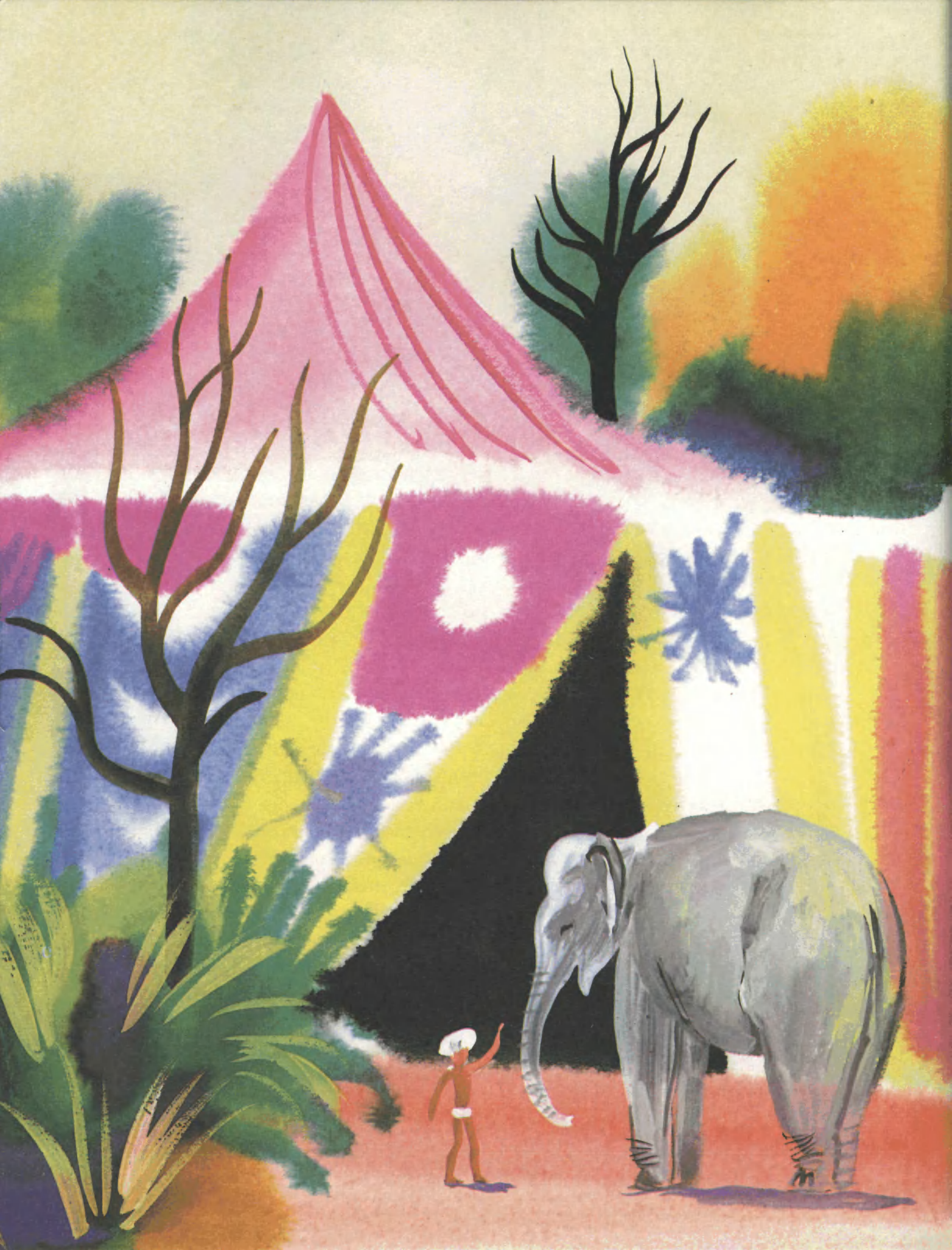
— Она у меня умеет танцевать, — упавшим голосом сказал Бабу. — Может быть, вы посмотрите? Я поиграю для вас.

Владелец зоопарка не был злым человеком, он любил животных и поэтому согласился посмотреть Сати. Когда Бабу заиграл, вокруг них быстро собралась толпа, раздались возгласы удивления и кто-то крикнул:

— Смотрите — цирк! Самый настоящий цирк!

— А что, ведь верно, — сказал владелец зоопарка. —

Почему бы тебе, мальчик, не показать слона здешним циркачам? У них, я знаю, иногда выступают дрессированные животные. Иди, я желаю тебе удачи!

И Бабу, сопровождаемый большой толпой зрителей, отправился в цирк. Пёстрый, украшенный афишами и флагами, балаган стоял на небольшой площади. Брезент прохудился, флаги поблёкли — сразу было видно, что дела тут идут неважно.

Бабу не пустили со слоном внутрь балагана, поэтому он снова привязал Сати к дереву и отправился вести переговоры с хозяином.

Хозяин был старый больной человек. Он принял Бабу не сразу и разговаривал с ним, не вставая с постели.

— Ты говоришь — слон? И он умеет танцевать? В прежние молодые годы я сам выступал со слоном, который мог плясать под музыку. Это было так давно... Ладно, тащи его сюда, на арену, посмотрим, что он умеет, — сказал хозяин.

Обрадованный Бабу выбежал из балагана. Но каково же было его удивление, когда он увидел, что место около дерева пусто! Сати не было, а на земле лежала перерезанная верёвка.

Бабу понял, что Сати украли. Напрасно он умолял людей сказать ему, кто сделал это. Люди хмуро молчали. Тот, кто увёл молодого слона, видно, запугал их.

Надо сказать, что обученного слона никто, кроме хозяина или погонщика-махута, не сможет отвязать и увести. Мало того, такая попытка может стоить вору жизни. Но Сати не училась никогда ничему, кроме танцев, а от людей не видела ничего, кроме ласки. Поэтому она дала увести себя.

Когда Бабу увидел, что никто не хочет ему помочь, он бросился назад в зоопарк.

— Не плачь, — сказал ему владелец зоопарка. — Я пойду с тобой.

Он направился вместе с Бабу к цирку, но людей уже кто-то разогнал (а может быть, они сами попрятались) и спросить, куда увели Сати, было не у кого.

— Плохи твои дела, — сказал владелец зоопарка, — остаётся искать наугад. Далеко увести её воры не успели. Знаешь, я схожу за полицией, а ты попробуй поиграть на своей дудке.

Бабу достал из сумки, с которой он пришёл, флейту и заиграл. Никто не откликнулся. Но стоило ему уйти с флейтой в соседнюю улицу, как из-за стены, окружавшей небольшой дом, раздался трубный звук.

— Это голос Сати! — радостно закричал Бабу. — Сати, Сати, где ты? Я здесь, я пришёл за тобой!

Продолжая играть, он перелез через забор (ворота были закрыты) и услышал, что голос слона доносится из маленького сарая, стоящего в углу двора.

Он заиграл ещё громче, и маленький сарай заходил ходуном.

Из дома выбежал человек с мрачным, злым лицом. Выбежали его слуги.

Однако едва они успели вытолкать Бабу за ворота, как на улице показались владелец зоопарка и двое полицейских. Они вошли во двор, распахнули сарай и обнаружили там Сати. Ноги её были спутаны верёвками.

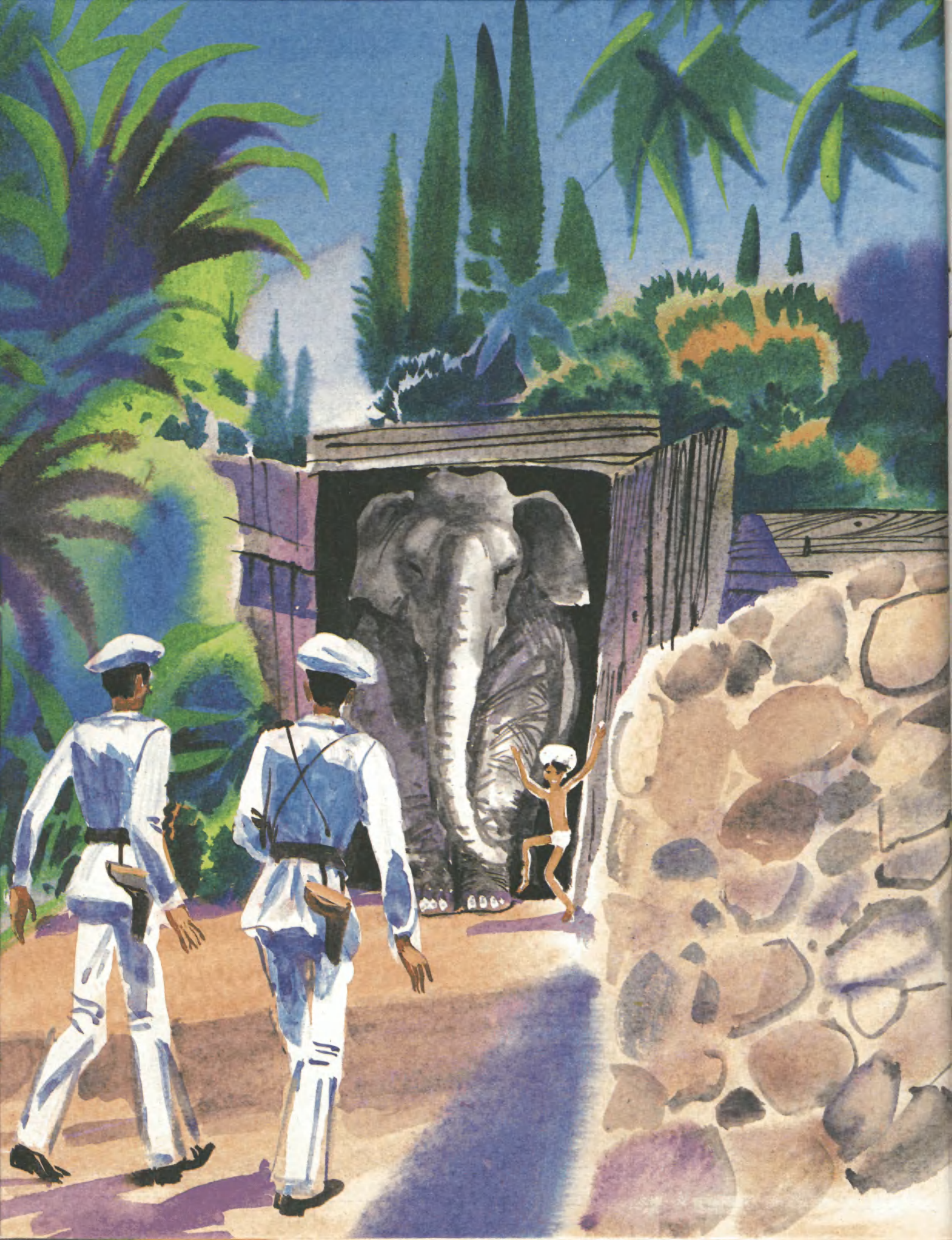
Увидев Бабу, слониха радостно завизжала.

— Я думаю, тут не нужно никакое расследование, — сказал владелец зоопарка, обращаясь к полицейским. — Не правда ли, и так ясно, кто её хозяин?

Но всё равно пришлось идти в полицейский участок, и только к концу дня Бабу снова попал в цирк. Здесь всё было уже проще.

— Так... так... — сказал хозяин цирка, посмотрев, как танцует Сати. — Кое-чему ты сумел её научить. Я покупаю слониху. Но оставайся с нею и ты. А сейчас

надень-ка вот тот костюм с блёстками и не ходи босиком. Скоро впустят публику и тебе придётся выступать перед нею. Надеюсь, Сати не подведёт...

Так Бабу и Сати стали цирковыми артистами. И хотя на их первое представление пришло всего десять человек (дела у цирка шли, повторяю, неважно), они оба волновались. Костюм оказался для Бабу большим, его рукава болтались, и Бабу смешно размахивал ими, когда играл и когда показывал Сати, что нужно делать. Ботинки, которые дали ему для выступления, тоже оказались большими, и они всё время падали. Публика очень смеялась.

Весть о том, что в цирке появились новые артисты — дрессированный слон и очень смешной укротитель-мальчик, облетела весь город. Уже через неделю каждое их представление проходило при переполненном зале.

И тогда Бабу послал по почте отцу первые небольшие деньги и письмо.

«Ты прости, — писал он в нём, — хозяин цирка беден и не может расплатиться за Сати сразу. И не сердись, что я остался в городе. Я ведь говорил, что всегда буду вместе с Сати. Нам теперь так много приходится учиться. Скажи матери, что, когда ей станет тяжело жить в джунглях, мы с Сати будем рады видеть её. Ей не придётся здесь ходить в лес к источнику...»

Да, Бабу и его слонихе пришлось учиться многому. Тот, кто видел их первое представление и снова пришёл в цирк через полгода, сказал бы, что это совсем разные цирковые пары. Бабу по-другому уже играл на флейте, а Сати по-другому (гораздо лучше) танцевала. Вот только костюм и ботинки Бабу сохранил. Они веселили публику. И ещё — у входа в цирк теперь висела афиша. На ней были нарисованы слон и мальчик и напечатано большими буквами: «САТИ И БАБУ».

СОДЕРЖАНИЕ

ХАРИ

3

МАЛАТИ
И КОКОСОВЫЙ ОРЕХ

13

ЧАНДУ

17

САТИ И БАБУ

25

